МУРЗИЛКА

ДЕТИЗДАТ
ЦК ВЛКСМ
СЕНТЯБРЬ
1936

№ 9

СУД НАРОДА

В августе в Москве пять дней шел суд над врагами народа, фашистскими убийцами: Зиновьевым, Каменевым, Евдокимовым, Бакаевым, Смирновым, Мрачковским, Тер-Ваганяном и их подлыми сообщниками.

У этих убийц была своя организация. Ею руководили, скрываясь за границей, контрреволюционер, агент фашистов—Троцкий и заклятые враги Советского народа Каменев и Зиновьев.

Им помогала германская тайная фашистская полиция—Гестапо. При ее помощи Троцкий тайно переправлял к нам, в СССР, шпионов и бандитов.

По секретным приказам Троцкого вместе с германскими шпионами работали Зиновьев, Каменев и другие убийцы.

Они тайком подготовляли убийство нашего родного, любимого вождя т. Сталина и его лучших учеников и его верных соратников тт. Ворошилова, Кагановича, Жданова, Орджоникидзе, Косиора и Постышева.

Изменники, они хотели захватить власть. Они рассчитывали убийством вождей народа, взрывами электростанций, разрушением заводов помешать обороне нашего Союза против фашистов, готовящих войну СССР.

С фальшивыми паспортами они пробирались через границы, ездили к Троцкому и обратно, встречались на тайных собраниях, таились за углами улиц с револьверами в руках.

1 декабря 1934 года был убит лучший ученик т. Сталина, бесстрашный большевик Сергей Миронович Киров. Убийцами Сергея Мироновича Кирова были Троцкий, Зиновьев, Каменев.

Убийцы подготовляли покушение на т. Сталина, на вождя трудящихся всего мира. Они хотели стрелять в него на VII конгрессе Коммунистического Интернационала—на съезде представителей коммунистических партий всего мира. Они хотели убить т. Сталина на Красной площади 1 мая 1936 года.

Убийцы подстерегали первого маршала нашего Союза т. Ворошилова, чтобы убить его.

Убийцы готовили смерть железному наркому т. Кагановичу.

И в это же время они говорили фальшивые речи о любви к нашему Сталину, о верности родине, о преданности партии большевиков и притворно оплакивали смерть ими убитого т. Кирова.

Зоркие чекисты, работники Народного комиссариата внутренних дел, поймали фашистских убийц за их подлой работой. Враги народа вынуждены были на суде сознаться в своих преступлениях.

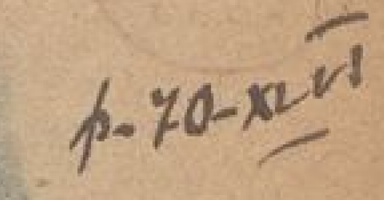
Вместе с Верховным судом убийц судила вся страна. Весь советский народ говорил: „Смерть фашистам! Пусть помнят фашисты: мы еще зорче будем охранять нашего мудрого учителя, нашего лучшего друга, нашего любимого товарища Сталина и его соратников. Еще лучше мы будем работать. Еще богаче станет наша страна. Еще сильнее станет наша Красная армия!"

Колхозники и рабочие, служащие и ученые, инженеры и учителя, писатели и художники—весь советский народ требовал от суда сурового наказания врагам народа: „Смерть фашистам!"

Верховный суд приговорил убийц к расстрелу.

Пойманные враги уничтожены.

На всех фабриках и заводах, во всех колхозах и учреждениях прочли приговор суда, и все сказали: „Приговор суда—это наш приговор. Так будет со всяким преступником, который замыслит подлое дело против нашего любимого т. Сталина, против нашей цветущей родины и нашей счастливой жизни!"

Сталинский маршрут

Это было в начале июня в Кремле. Летчики Чкалов, Байдуков и Беляков попросили товарища Сталина разрешить полет через северный полюс без посадки. Товарищ Сталин шутливо спросил:

— Зачем летать обязательно на северный полюс? Летчикам все кажется нестрашным — рисковать привыкли. Зачем рисковать без надобности? Вот вам маршрут для полета, — сказал товарищ Сталин: — Москва — Петропавловск-на-Камчатке.

Прошло полтора месяца. Летчиков вызвали в Кремль. Они сказали: „Советская машина оказалась такой мощной, что в Петропавловск-на-Камчатке можно лететь не прямо, а кружным путем: из Москвы на север, через Баренцово море до острова Виктория, там повернуть вправо, долететь до Петропавловска, снова свернуть вправо и через Охотское море к Николаевску-на-Амуре, а может быть, и дальше, в Читу".

— Ну, хорошо, — дружески сказал товарищ Сталин, — пусть будет по-вашему.

Прошло еще несколько дней. Огромная краснокрылая машина стояла на аэродроме. На ней было написано: „АНТ-25".

Быстро забрались летчики в машину.

— Все ли готово? — спросил командир Чкалов своих товарищей.

— Все! — ответили они.

Страшно загудел мотор. 950 лошадиных сил бешено завертели пропеллер. Чкалов поднял руку, и самолет побежал по земле. Все скорее и скорее. Он несся быстрее автомобиля. Но машина была очень тяжелой, — 6 тонн бензина взяли с собой летчики. Самолет пробежал полтора километра и оторвался от земли.

Под крыльями неслись дома, поля, реки. Все дальше на север уходили летчики. Чкалов вел машину.

— Спи, береги силы, — сказал он Белякову.

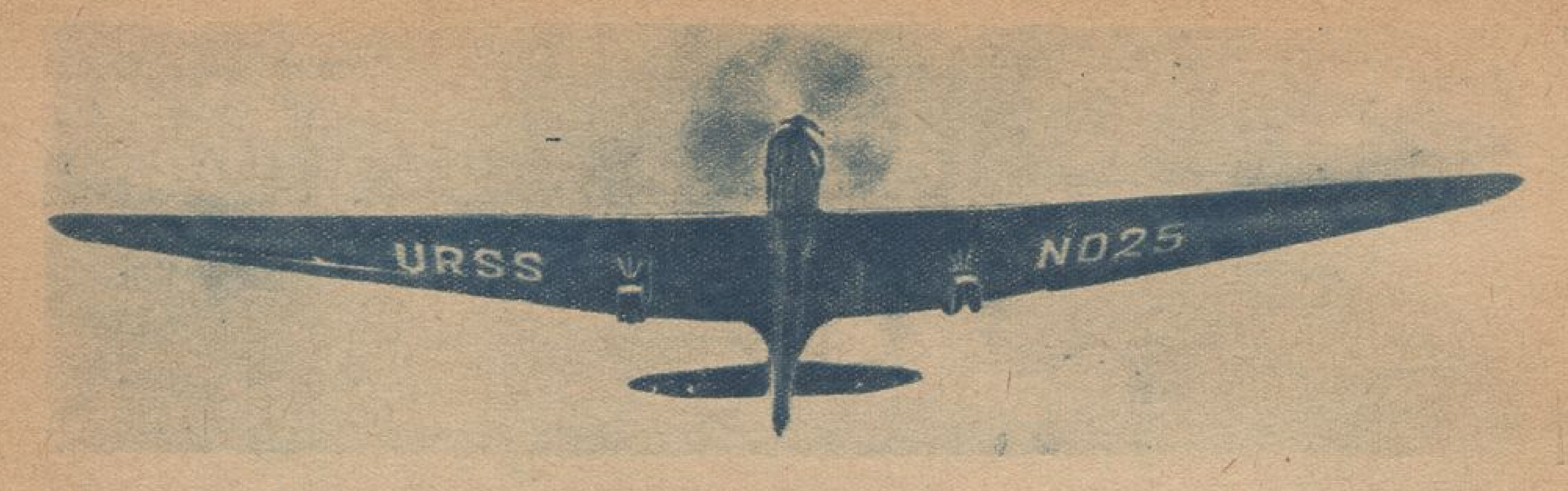
Но разве уснешь сейчас, на первых километрах сталинского маршрута?

9 часов летел самолет. Он перелетел Белое море, пронесся над последним поселком на земле, над Харловкой.

„Все в порядке", — передал по радио Беляков.

Герои Советского союза тт. Чкалов, Байдуков, Беляков и конструктор самолета „АНТ-25" А. Н. Туполев.

Чкалова сменил за рулем Байдуков. Все так же ревел мотор. Все так же свистел ветер вокруг машины. Все было в порядке.

Самолет пошел над Большим морем Баренца, и летчики увидели впереди белую густую пелену. Туман! Летчики поднялись выше облаков. Сверху ярко светило солнце. Все надели темные очки. Беляков указывал дорогу по солнцу.

— Поворачиваем вправо,— сказал он.— Под нами остров Виктория.

А под самолетом было сплошное море облаков. За рулем уже снова сидел Чкалов. Он так и не заснул ни на минуту.

Облака раздвинулись, и летчики увидели горы льдов и черные скалы Земли Франца-Иосифа. Все в порядке. Курс верен. Вперед!

Трудно дышать на такой высоте. Чкалов устал. Он передал руль Байдукову. А Белякова никто не сменяет! От поселка Харловка он бессменно следит за полетом. Беляков уговаривает Чкалова уснуть. Но Чкалов только дремлет. Он открывает глаза и следит за приборами.

Вдруг облака окутали самолет со всех сторон. Ничего не видно вокруг, будто завязаны глаза,—но уверенно идет вперед советская машина.

Летчики летят уже $26^1/_2$ часов. Под ними уже Северная Земля — полпути до Петропавловска-на-Камчатке.

„Все в порядке, — передает по радио Беляков,— находимся — Северная Земля".

Все в порядке, а самолет идет в облаках, воет ветер; крылья самолета покрываются льдом, дышать трудно.

Беляков устал. Почти сутки работает он без отдыха. Байдуков сменяет его. Чкалов ведет самолет.

Кончилось море. Самолет над горами Якутии. Пять километров высоты. У летчиков начинается головная боль: мало кислорода. Можно надеть кислородные маски, но что будет дальше? Над Охотским морем придется подняться еще выше, тогда не полетишь без масок, а кислорода с собой не так много.

И тут Беляков принял радиограмму: „Вся страна следит за вашим полетом.

Товарищ Сталин с пионерами на Щелковском аэродроме.

Ваша победа будет победой Советской страны. Желаем вам успеха. Крепко жмем ваши руки".

Это привет от Сталина, от всего советского народа. Радиограмму подписали Сталин, Молотов, Орджоникидзе, Димитров.

Летчики забыли про усталость. Сам вождь следит за их машиной. Вперед! Советские летчики победят ветер, победят облака, победят холод, победят все! Сталинский маршрут должен быть выполнен.

Самолет летит уже двое суток. 20 июля, в 5 часов 45 минут утра, он оторвался от аэродрома в Москве. Сейчас 22 июля, 6 часов утра. Петропавловск-на-Камчатке! Здесь кончается сталинский маршрут. Но еще есть бензин в баках. Но много сил еще у бесстрашных летчиков. И „АНТ-25" летит дальше, к Николаевску-на-Амуре.

Охотское море бурлит, как котел. Воет ветер. Хлещет дождь. Вокруг — густой туман. Чкалов набирает высоту.

От холода самолет покрывается льдом. Лед налипает на пропеллер, мотор трясет. Чкалов спускается к воде. Дождь заливает стекла, ничего не видно. Если Чкалов ошибется на волос, самолет врежется в бурные волны. Так низко лететь нельзя.

Чкалов опять набирает высоту. Летчики чувствуют удары ветра. Байдуков передает по радио: „Обледеневаем в тумане. По маяку идем в Хабаровск".

Чкалов спускается опять к воде. Темнеет. Байдуков у радиоприемника. Он слышит:

„Приказываю прекратить полет, сесть при первой возможности. Орджоникидзе".

Непрерывно повторяются слова приказа. Это Сталин приказывает спуститься. Задание выполнено, рисковать без надобности не надо. И, послушный приказу вождя, Чкалов ищет место посадки на маленьком островке Удд, около Николаевска-на-Амуре.

Задание выполнено и перевыполнено. Советские летчики установили мировой рекорд дальности полета, мужества и героизма. Они пробыли в воздухе 56 часов 20 минут и покрыли 9 374 километра.

10 августа на московском аэродроме спустилась машина героев Советского союза Чкалова, Байдукова и Белякова — краснокрылый самолет „АНТ-25" с советским мотором „АМ-34". Сталин встретил героев, горячо обнял и расцеловал.

Вся Москва встречала героев Советского союза. Орденами Ленина наградило правительство бесстрашных гордых соколов нашей родины.

А. Абрамов

Товарищи Сталин, Ворошилов и Каганович встречают героев Советского союза Чкалова, Байдукова и Белякова на Щелковском аэродроме.

Максим Горький

По М. Горькому
пересказала А. Гринберг

Жизнь Максима Горького, великого пролетарского писателя, началась в Нижнем-Новгороде.

Никто в то время не знал его. Просто по дворам и по оврагам бегал растрепанный мальчик—Алеша Пешков, драчун.

Отец его умер от холеры. С тех пор он стал жить у дедушки и бабушки Кашириных. Семья была большая, недружная. По воскресеньям к воротам сбегались мальчишки с соседних улиц и кричали: „У Кашириных опять дерутся".

Алеша не ладил с мальчишками: они любили мучить кошек, стравливать петухов и собак. Они дразнили его и кричали: „Глядите! Кащея Каширина внучонок вышел! Валяй его!"

Много разных людей видел вокруг себя Алеша Пешков — во дворах и в подвалах. Ломовой извозчик, дядя Петр, рассказывал ему: „Вот ты сердишься, когда тебя дедушка высекет... Это сечение детское. А вот госпожа моя, Татьян Лексевна, ну, она секла знаменито. У нее для того нарочный человек был, Христофором звали... Бывало, соседи из других усадеб к себе просят у барыни-графини: „Отпустите, сударыня Татьян Лексевна, Христофора дворню посечь". И отпускала".

Так рассказывал дядя Петр, — лицо у него было будто плетеное из морщин, злое.

•

Мать взялась учить Алешу. Но он не любил заучивать стихи. Он забывал их, иногда он нарочно перевирал их.

Были такие стихи:

Большая дорога, прямая дорога,
Немало простора взяла ты у бога.
Тебя не ровняли топор и лопата,
Мягка ты копыту и пылью богата.

Дом в Нижнем-Новгороде (г. Горький), в котором родился Алексей Максимович в 1868 г.

Алеша Пешков [redacted]
Фото 1888—1889 гг.

Дом Кашириных, где жил М. Горький.

М. Горький в 1902 г.

Но Алеша вдруг начинал бормотать: „Дорога, двурога, творо̀г, недорога, копыто, попы-то, корыто!"

Мать вскакивала. Дедушка говорил:

„Балует... Врет, — память у него каменная.... Ты выпори его".

В другой раз ему приходилось заучивать жалобное стихотворение про нищих: „Под окошком ходят с сумою". Он вставлял в него свои слова: „Ходят, ноют, хлеба просят".

Потом он придумал собственный стишок:

Не люблю нищих
И дедушку тоже.
Как тут быть?
Прости меня, боже!
Дед всегда ищет,
За что меня бить.

А бабушка Алешина была рассказчица, певунья, сказочница. Раз дед при Алеше бросился бить ее. Он колотил ее по голове, а она только говорила: „Ну, бей, бей, дурачок". Алеша лежал в это время на полатях. Он стал бросать в деда подушки, одеяла, сапоги с печи. Наконец, дед опрокинул ведро с водой и убежал. Бабушка заохала и села на лавку.

За эту обиду Алеша изрезал деду его любимые церковные картинки — святцы.

Нехорошо жилось Алеше. Он решил устроить себе жилище на лето в саду, —жить одному, без взрослых. Он выполол бурьян в большой яме и обложил ее кирпичами, сделал в яме лежанку; потом принес посудных черепков, цвѐтных стеклышек и вмазал их глиной в щели между кирпичами. Яма засверкала на солнце, как радужная. Он сплел вокруг нее плетень из сухого бурьяна и сделал навес.

Все лето он ночевал в своем шалаше. Иногда бабушка приходила спать в саду.

Было тихо. Бабушка рассказывала сказки, и от сказок ночь становилась еще краше. Иногда бабушка вдруг говорила: „Новая звезда взошла, глядь-ко. Экая глазастая!" Или: „Гляди — звезда упала! Значит, сейчас где-то хороший человек родился!"

Утром Алеша просыпался вместе с птицами. Солнце смотрело в лицо, в небе пел жаворонок. Хотелось скорей встать и делать что-нибудь хорошее, хотелось со всеми жить в дружбе.

•

Жить было нечем. Бабушка плела кружева на продажу. Алеша собирал по дворам говяжьи кости и тряпки, бумагу, гвозди. За пуд тряпок ветошники давали двугривенный, за пуд костей — восемь копеек.

Вместе с Алешей собирали в мусорных ямах три-четыре его приятеля. Все жили на одной улице. Санька Вяхирь был сын нищей мордовки; он любил траву и деревья, он берег даже пыльные былинки у забора и говорил: „Ну, на что траву мнете? Сели бы мимо, на песок".

Другой мальчик был Хаби, татарчонок, сирота; он хотел скопить денег и уехать в свой родной город, но только он не помнил, как называется город, — помнил только одно: город стоит на реке Каме.

Мальчики жили дружно, но подразнить Хаби все-таки хотелось. Иногда они напевали ему песенку: „Город на Каме, где — не знаем сами, не достать руками, не дойти ногами".

Алеше нравились товарищи, нравилась уличная жизнь. Но в школе ему было трудно. Ученики называли его ветошником, нищебродом. Один раз после ссоры они сказали учителю:

„От Пешкова пахнет помойной ямой, нельзя сидеть возле Пешкова". Но эту жалобу они выдумали со зла, потому что Алеша по утрам усердно мылся, а в школу надевал чистую одежду.

Один раз Алеша нашел в книге у своего отчима две бумажки: десятирублевую и рублевую. Он взял рубль и пошел в лавочку: купил учебник и еще одну растрепанную книжечку — сказки Андерсена.

На другой день, на перемене в школе, он принялся читать Андерсена. Сказка „Соловей" начиналась так: „В Китае все жители — китайцы, и сам император — китаец". Это очень понравилось Алеше.

Но перемена кончилась. Дома мать хватилась рубля. Она избила Алешу сковородником и отняла у него книжку. Так и не пришлось ему дочитать „Соловья".

Мать была больна и кашляла. Скоро она умерла. После похорон дед сказал: „Ну, Лексей, ты — не медаль, на шее у меня не место тебе,— а иди-ка ты в люди".

В то время Алеше было десять лет.

•

Алеша поступил мальчиком в обувную лавку. Хозяин объяснял ему: „Мальчик должен стоять при двери, как статуй". Иногда хозяин шипел из глубины лавки: „Не чеши руки". Ему приходилось прислуживать семье хозяина: чистить обувь, ставить самовар. Один раз он разогревал на керосинке судок со щами; задумался— щи закипели, он стал гасить огонь, судок опрокинулся и обварил ему руки. Его увезли в больницу. Потом бабушка взяла его домой.

Летом бабушка собирала в лесу целебные травы и ягоды на продажу.

Она ходила между соснами и говорила как будто сама с собой: „Рано опята пошли,— мало будет гриба! Плохо ты, господи, о бедных заботишься, бедному и гриб — лакомство!"

Школа в Нижнем-Новгороде, в которой учился Алексей Максимович.

Алеша шел за бабушкой и думал: „Хорошо быть разбойником, грабить жадных, богатых, отдавать награбленное бедным— пусть все будут сыты, веселы и не лаются друг с другом, как злые псы".

Так кормились целое лето.

Настала осень, и снова дед сказал: „Ну, шалыган, завтра сбирайся на место".

•

Алеша поступил учеником к чертежнику. Но учиться ему не приходилось,— приходилось мыть полы, стирать белье.

В субботу и воскресенье его посылали в церковь молиться. Но иногда вместо церкви он ходил по улицам. Один раз он услышал через форточку чудесный звук,— это в низком доме кто-то заиграл на виолончели. Алеша сел на тумбу перед домом; он слушал, и слезы капали у него из глаз,— так прекрасна была музыка. В это время к нему незаметно подошел ночной сторож в тулупе. Он толкнул его и сказал: „Ты чего тут торчишь? Пошел!" Дома его отколотили за отлучку.

Весной Алеша сбежал от чертежника, от сварливых хозяек и поступил на пароход посудником.

Пароход был старенький, рыжий; он тихо плыл мимо берегов. Пассажиры сходили и садились на пристанях.

Повар Смурый давал Алеше книги и заставлял читать вслух. Читали Гоголя „Тарас Бульба". Повар смеялся и плакал, он приговаривал: „Да-а, это люди! Хорошая книга! Просто — праздник!"

Официанты и буфетчик не взлюбили Алешу. Они незаметно подбрасывали ему в таз с грязной водой стаканы, и он выплескивал стаканы вместе с водой за борт. Наконец, они обвинили его в воровстве. Пришлось повару уволить его.

Опять Алеша вернулся домой. Денег в доме не было. Он ловил в лесу птиц, а бабушка продавала их на базаре.

Алеша рассказывал ей про повара Смурого. Бабушка говорила: „Хороший человек... Ты хорошее крепко помни, а что плохо, голуба-душа, то просто забывай".

•

Алеша привык на пароходе к книгам—ему хотелось читать. Он хотел все знать.

М. Горький в Италии.

С картины худ. Корина.

Эта картина находится в Государственной Третьяковской галлерее в Москве.

Ленин и Горький в Ленинграде в 1920 г.

Но книг у него не было. Он выпрашивал книги у жильцов дома: у жены закройщика, у красивой дамы.

Читать приходилось ночью, тайком, на кухне у хозяев. Свечу от него прятали, — он подставлял книгу к окну под лунный луч, но буквы были мелкие; тогда он брал с полки начищенную медную кастрюлю и отражал в ней лунный свет над книгой, — становилось еще темнее. Тогда он влезал на скамью и стоя читал под лампадным фитильком, под иконой.

Красивая дама дала Алеше книжку стихов Пушкина в синем кожаном переплете. Он повторял про себя чудесные строки:

„Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей“.

Ему казалось, что от этих стихов жить становится легко и радостно. Он думал: „Какое счастье быть грамотным!“

•

Осенью опять нанялся он на пароход. После последнего пароходного рейса он поступил учеником в иконописную мастерскую. Но и здесь не пришлось ему учиться: пришлось помогать в хозяйской лавке, пришлось зазывать покупателей. Вечером в мастерской он помогал растирать краски. Алеша любил слушать разговоры в мастерской. Ему нравилось, что все люди говорят одинаково: жизнь плоха — надо жить лучше.

Живописец Ситанов иногда рассуждал: „Работаем, работаем, а все на чужого дядю. Подумаешь об этом, и вдруг ничего не хочется, наплевать бы на всю работу“.

Пришлось Алеше жить еще с артелью строителей. И там он видел то же, что везде: как красивый непьющий штукатур Григорий Шишлин вдруг запил. Каменщик Петр говорил про работу уныло: „Строю для людей дома каменные, на гроб себе деревянный“.

Самый лучший работник в артели был Ардальон: кирпичи летали у него в руках, точно красные голуби. И вдруг Ардальон бросил работу и ушел на пристань к босякам.

•

Многие люди говорили Алеше Пешкову: „Тебе нужно учиться, ты способный“. В то время ему было пятнадцать лет, а проучился он только в двух классах.

И вот знакомый гимназист Евреинов сказал ему: „Едем в Казань, — будете жить у меня, будете готовиться в университет“.

Но и в Казани не пришлось ему учиться: пришлось искать работы.

Мать Евреинова была бедная вдова. Алеша Пешков уходил днем из дому, чтобы не обедать у нее, потому что обеда у нее и на своих нехватало. В дурную погоду он отсиживался на пустыре, в подвале. Было голодно. Он стал уходить на пристань, работал грузчиком.

Один раз большая баржа, груженная персидским товаром, села на камень под Казанью. Днище прорвалось. Хозяин баржи нанял артель перегружать товар. Алеша пошел с артелью.

В то время он был уже силен. Он мог девять раз медленно перекреститься двухпудовой гирей, — так меряли силу.

Работа началась ночью. Шел холодный дождь. Волны взлетали. Ветер рвал рубахи. Грузчики бежали по скользким доскам с мокрыми тюками на спине; швыряли с рук на руки четырехпудовые мешки с рисом, с изюмом, с каракулем. Работали всю ночь без передышки, все утро до двух часов дня. Вернулись на пристань, и хозяин за спасенный товар поставил артели три ведра водки.

На узкой, бедной улице в Казани стояла бакалейная лавочка. Владелец Деренков отпускал покупателям товар, а за лавкой в потайном чулане хранилась библиотека запрещенных книг. Туда осторожно приходили студенты и гимназисты.

Кто-то привел туда Алешу Пешкова. Он слушал разговоры и споры про Россию, про народ, про царя, про студенческие беспорядки. Все у Деренковых казалось Алеше интересным. Деренков рассказал ему: есть люди, — они хотят счастья для народа. И вот на помощь этим людям идут все доходы от бакалейной лавки.

Но скоро оказалось, что дохода слишком мало. Тогда Деренков придумал открыть булочную. Алеша стал работать подручным пекаря. Утром он разносил булки в духовную академию, в институт благородных девиц. Ночью он месил тесто, — месить приходилось руками по пятнадцать — двадцать пудов. Сам пекарь работал все меньше. Он больше надеялся на Алешу и говорил ему: „Ты способный к работе. Через год-два будешь пекарем".

Но полицейский Никифорыч стал следить за булочной, — стал звать Алешу пить чай и расспрашивать: почему так много студентов бывает у Деренковых? А не читает ли Алеша запрещенные книги? А не знаком ли Алеша с гимназистом Гурием Плетневым?

Сталин и Горький на празднике физкультурников в Москве.

Плетнев печатал тайные прокламации против царя. Полиция нашла у него кастрюлю с краской для печатания, — его увезли в Петербург. Так пропал хороший, веселый гимназист Гурий Плетнев.

•

Алеша работал, где придется: в деревенской лавке, в приволжском селе, в рыболовной артели на Каспии. Служил он и железнодорожным сторожем и весовщиком на станции. Бродяжничал.

Так шли годы, так проходила его юность.

Однажды он шел пешком по кубанским степям. В одном селении полиция усмиряла казачий бунт против властей. Алешу Пешкова задержали и посадили под арест.

Несколько дней просидел он в тюрьме и видел из окна большое поле со множеством гусей. Он любил свою родину, он жалел ее, — даже бедное поле с гусями из оконца тюрьмы казалось ему красивой картиной.

На допросе жандармский офицер спросил его: „Зачем вы ходите по степи?" Он ответил: „Я хочу знать Россию". Тогда офицер махнул рукой к окну и сказал с презрением: „Не Россия, а свинство!"

Алеша странствовал по Бессарабии и Украине. По дороге он батрачил. В Одесском порту работал грузчиком, потом прошел пешком по берегу Черного моря на Кавказ. Он шел весну и лето; глубокой осенью он пришел в Тифлис. Здесь он жил на улице, потому что больше жить ему было негде.

Наконец, он познакомился с одним журналистом. Он стал рассказывать журналисту о своих странствиях, о встрече с цыганом на Дунае. Журналист вдруг встал и сказал:

„Запишите этот рассказ. Пока не напишете, не выпущу вас из комнаты".

Алеша сел писать. Он назвал свой рассказ „Макар Чудра", — так звали цыгана.

И вот на другой день редактор тифлисской газеты принял рассказ для напечатания и только спросил:

„А где же подпись? Кто автор?"

Тогда Алеша подумал и сказал: „Пишите — „Горький". Помолчал и прибавил: „Максим".

Так стал он писателем Максимом Горьким. Ему было в то время 24 года.

•

Он писал о бродягах, о нищенках, о ворах. И в каждой книге его люди были, как живые, и море шумело, как настоящее, и степь будто пахла цветами. И в каждой книге было видно: плох не бродяга, не вор — плохи порядки жизни, надо жизнь переделать. Никто до него не смел так писать.

Он писал: нужна революция. Но в царское время этого печатать нельзя было. Поэтому он писал „Песню о Соколе" и „Песню о Буревестнике".

М. Горький среди пионеров.

Буревестник кричал под раскаты грома:

„...Пусть скорее грянет буря!"

И все, кто читал, понимали: буря — это значит революция.

•

Полиция следила за ним. Ему пришлось сидеть в Тифлисской тюрьме и в Петропавловской крепости—в Петербурге; пришлось жить в ссылке.

В Петербурге он встретился с Лениным. Об этой встрече он рассказывал так:

„Увиделись мы в Петербурге, не помню где. Он маленький, с лукавым взглядом, а я большой, нелепый, с лицом мордвина. Сначала как-то все не шло у нас. А потом посмотрели мы друг на друга повнимательней, рассмеялись, и сразу обоим стало легко говорить".

Скоро каждому из них пришлось уехать из России и жить в чужих странах, подальше от царской полиции.

Ленин часто писал ему о делах партии. Он писал: „Трудно, а все же идет дело вперед".

Горький присылал статьи, рассказы и сказки для ленинской газеты и для большевистских журналов.

Ленин писал ему: „Звезда" будет продолжаться. Великолепными сказками вы очень помогали „Звезде"...

Он любил и берег Алексея Максимовича. В письмах он повторял: „Пишите, как здоровье. Убедительно прошу взяться серьезно за леченье..."

Горький написал в изгнании большой роман „Мать". Рабочие любили читать этот роман, потому что в нем описывалась их жизнь. Его читали по всей России, в рабочих кружках, на фабриках, на заводах. Его переводили на другие языки и читали в других странах. Из этого романа рабочие узнавали, как строят партию большевики и как нужно по-большевистски бороться с фабрикантами и с царем.

Так в царское время Горький помогал партии. И так же продолжал он помогать ей после Великой Октябрьской революции.

Он писал пьесы для советского театра и большие книги: о прежней жизни, о купцах и фабрикантах, о кулаках, о монахах. Он помогал молодым писателям. Ему писали тысячи людей. Он переписывался даже с советскими школьниками и пионерами и требовал от них — быть грамотными.

Он писал о великой стройке в Советской стране, и в каждом его слове была большая любовь к людям, которые строят новую жизнь.

Он писал о врагах Советской страны, о предателях и вредителях:

„Если враг не сдается, его уничтожают".

И когда в Ленинграде агенты германских фашистов, троцкисты, зиновьевцы подстерегли и убили бесстрашного большевика Сергея Мироновича Кирова, товарища, помощника Сталина, — по всей стране повторили эти грозные слова:

— Если враг не сдается, его уничтожают.

Горький был борцом за коммунизм.

Он был другом Ленина и Сталина. И Сталин любил и берег его, как прежде любил и берег его Ленин.

Он мог бы жить сто лет—так был он могуч. Но в молодости он заболел, и легкие его остались больными навсегда.

И вот в июне 1936 года он смертельно заболел. Последние дни своей жизни он провел в Горках, под Москвой. К нему приезжал Сталин, великий вождь советского народа, и члены правительства СССР. Они говорили с ним о Советской стране, о ее будущем.

Последние его мысли были о родине, о могучей стране социализма.

сады

Л. Квитко
Рис. А. Петровой

Жаркий полдень над садами.
Петухи кричат в селе.
Под тяжелыми плодами
ветви клонятся к земле.

Вот ребята прибежали,
ветви гнули и трясли,
и нарвали, и набрали,
и в подолах понесли,

и расставили корзинки
от беседки до ворот.
В эту — яблоки пепинки!
В эту — груши бергамот!

Влажен лоб, расстегнут ворот,
а глаза огнем горят.
Получай подарки, город,
от колхозных октябрят!

Все глядят, не наглядятся,
фрукты сладкие берут.
Все едят, не наедятся,
да еще в карман кладут.

Отдохнуть бы на припеке!
Все уселись на траве.
Сверху смотрят яблок щеки,
сливы светятся в листве.

А вот это что такое?
Поздних вишен спелый ряд!
Не дают они покоя,
так и рдеют и горят.

Все вскочили, побежали,
ветви гнули и трясли,
и нарвали, и набрали,
и устали, и легли.

— Кто же это фрукты сеет?
Как за ними уследить?
Кто раскрасить их умеет,
сладким соком напоить?

Вот встает один — бедовый,
хоть и маленький совсем.
— Вы не знаете? Да что вы!
А садовники зачем?

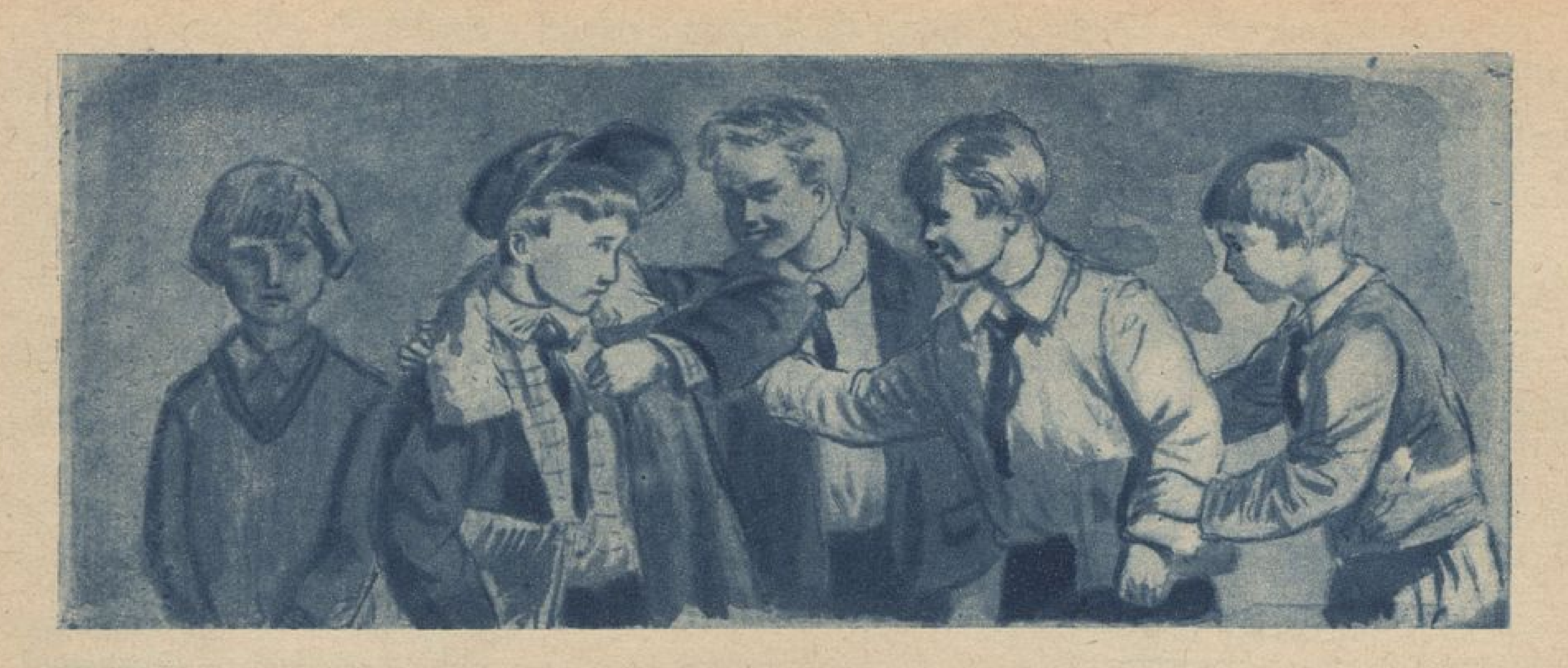
Уж они-то крепко знают
все названья, все сорта,
вместе с солнцем одевают
фрукты в разные цвета.

Могут груш крутые спинки
подрумянить, опалить;
могут яблоки пепинки
сладким золотом налить.

А когда деревья гнутся
и плодами полон сад,
то садовники смеются
и зовут к себе ребят:

— Рвите, кушайте, трясите!
А когда не лезет в рот,
так и быть, домой несите
фрукты сладкие, как мед.

Перевела с еврейского Е. Благинина

ВОЛИНА БЕДА

А. Копыленко
Рис. В. Бордиченко

Только, пожалуйста, не думайте, что Нина и в самом деле плакса.

Нина вовсе не плакса. А только на ее месте вы бы и сами заплакали. Санитарная комиссия, Поля, стала было утешать ее, да и сама разревелась. Впрочем, Поля, скажу вам по секрету, и в самом деле немножко плакса и вечно боится всего, хоть она и санитарная комиссия.

Вот послушайте, почему плакала Нина, всегда такая веселая, такая смешливая ученица второго класса „Б“.

Нина — староста, и плакать ей, конечно, совсем не пристало. Что же поделаешь, если Волик никак не хочет исправляться? Ни у кого в классе нет ни одного „плохо“, а у Волика и по чтению, и по арифметике, и по грамматике — все одни „плохо“.

Прикрепили к нему на помощь Васю. А Волик на другой день и вовсе не пришел в школу. Гулять — гуляет, а уроков готовить с Васей не хочет. Вася за Воликом, а тот через забор на улицу! Рассердился Вася, догнал Волика, отколотил его и не захотел ему больше помогать.

Тогда Вера Владимировна сказала и Васе и всему классу, что драться нельзя, а нужно друг другу помогать.

А что же делать, если Волик не хочет перевоспитываться? Ну, что с ним делать? Ему помогают, а он—бежать!

Волик ничего не боится. Ни автомобилей, ни лошадей, ни собак, ни воды, ни огня, — ничего!

— Значит, ты и фашистов не боишься?— спросил у него Яша, лучший ученик в классе.

А Волик говорит:

— И фашистов не боюсь. У меня пистолет есть — вот большущий, вот такой, и стреляет бесшумно. Так я потихоньку из окна всех фашистов перестреляю. Буду я на весь свет героем!

— И мышей не боишься? И жуков? И пауков? — спросила Поля.

А Волик только засмеялся в ответ.

Больше ничего не стала спрашивать Поля, — только с тех пор стала она бояться не только жуков, пауков да мышей, а и самого Волика.

•

Поплакала Нина. Поплакала с Ниной и ее подружка — санком Поля. А потом Поля сказала, что плакать — это нехорошо и несанитарно, что она уже перестала и больше никогда не будет.

Но самое важное все-таки оставалось: Волику надо помогать.

И Нина отправилась к Косте, к председателю учкома.

Костя выслушал Нину и сказал:

— Ну что ж, надо помогать!

Это Нина и сама знает. Но вот как это сделать? Ведь Волик не хочет—ну, ни за что не хочет учиться.

Пошла Нина к Вере Владимировне.

Веру Владимировну все любят: она умная, и хорошая, и справедливая. Ей обо всем рассказать можно.

Поговорила Вера Владимировна перед уроками с Воликом. Серьезно поговорила. Сказала ему: стыдно лениться, стыдно срывать соревнование своего класса. И ребята решили прикрепить к Волику уже не одного, а трех товарищей: Яшу, Васю и Полю.

Вот тут Волик и припомнил, что Вася колотил его.

— Если он так мне помогать будет, так я в синяках ходить буду,— сказал Воля.

— Молчи, лентяй!—огрызнулся Вася. — Весь класс подводишь. Я тебя ловил, работать с тобой хотел, а ты только и знаешь, что бегать. Вера Владимировна! Не хочу я ему помогать. Он через заборы удирает! Будет убегать, я его опять поколочу!

Вера Владимировна заставила их помириться, и Волик дал слово, что не будет больше бегать от Васи, который знал арифметику лучше всех.

Волик обещал. Дал честное пионерское притти завтра на час раньше и приходить так каждый день.

•

После урока ребята разошлись по домам.

Волик задумался. Решено! Он докажет, что он вовсе не лодырь и что учиться он может отлично. Завтра же и начнет заниматься.

„Я им покажу! Возьму, да и перегоню всех. Сначала помогут, а потом я уже сам...“

И Волик выбежал на улицу.

На дворе было солнечно. Только что выпал свежий, пушистый снег.

Ребята хлопотали в саду. Увидел их Воля—и скорее к ним. Бросил книжки в сугроб возле дорожки,—так и ушли книги в снег.

А Волик уже за работой: налег плечом на здоровенный снежный ком. Ком прямо как гора — это подставка для бабы. Насилу втащили на нее туловище бабы. Пот так и лился из-под шапок, лица красные, куртки расстегнуты. Жарко! Зато баба вышла на славу, высокая, пузатая. И нос ей сделали, и губы, да еще палку в руки дали!

— Это не баба, а фашист! Фашист!— закричал Воля. — Стреляйте в него, стреляйте!

— Бейте без промаха! — подхватили ребята.

И стали кидать снежками в бабу. Отбили ей руку, проломили голову. А потом всей гурьбой бросились в атаку. Налетели на бабу, сбили на землю и давай месить снег. Потом разделились на партии и стали друг друга обстреливать.

Сначала побеждала партия, которой командовал Волик. Но противники налепили большой запас бомб, выскочили из крепости, из-за кустов и погнали врага.

Отряд бросился бежать и покинул своего командира. Волик храбро отступал последним.

Но и он не выдержал — побежал, что было духу. С криками гнались за ним враги.

На улице оба отряда снова сошлись и стали спорить, кто сильнее. Вместе со всеми дошел до дому и Волик.

Мать ждала недовольная. Она спросила Волика: где он пропадал, откуда пришел такой мокрый?

— А там... — сказал Волик.

Мать стянула с него башмаки и пальто и повесила сушить.

Тут Волик вспомнил, что забыл в саду свои тетради и книги.

Можно было бы еще сбегать за ними, да мать спросит: куда? А рассказать ей нельзя, — рассердится.

Сидит Волик, нахмурился и не знает, что ему делать. Даже есть не хочется. Смотрит мать на сына, удивляется:

— Уж не заболел ли ты, вояка? Почему ты не ешь?

Она потихоньку прикоснулась ко лбу. Нет, не горячий. Странно! То чуть на столе еда, — Волик уже за тарелкой, а сейчас не дотронулся до обеда.

Долго не мог заснуть Волик. Все перед глазами книжки. Лежат они в снегу. А может, кто-нибудь уже подобрал их да унес?

Ой, пропали книжки! И что теперь матери скажешь? Да и Вера Владимировна обязательно спросит. Что ей отвечать?

•

На другой день рано проснулся Волик. Позавтракал с матерью. И только она на работу, Волик за шапку, за пальто и — в сад.

Волик бежал, не останавливаясь, к тому самому месту, где положил вчера книги. Вот тут, в этом сугробе, лежали они вчера. Это они выдавили четырехугольник, — вот и все, что осталось от книжек.

Растерянно пошел он обратно домой.

Сидит Волик в комнате и на улицу не выходит, — напрасно его ребята зовут.

А итти в школу надо. Ведь он обещал сегодня на целый час раньше притти.

Дошел Волик до школы и повернул обратно.

Ну, как же теперь будет? Нет у него больше ни тетради, ни книжки. Какой же он теперь ученик?

„Найти бы только книги! — думал Воля. — Я бы уже больше никогда-никогда не клал их на снег. И не забывал бы о них, и Тамару бы за нос не дергал, и не дрался бы, и „плохо“ ни одного не было бы у меня больше“.

Воля снова вернулся в сад. Ему почему-то казалось: вот в награду за эти обещания кто-то принесет его книги и положит их как раз на то место, где он их забыл, — в тот самый четырехугольник.

Воля наклонился над сугробом, — будто иголку потерял. Ничего! Смотри, не смотри, — книжек все равно нет.

Незаметно дошел он до школы. В дверь вырвался шум, крики, возня, — это началась перемена. Гурьба школьников выскочила на улицу.

— Почему ты не был на первом уроке? — обступили Волю ребята и потащили его в класс на второй урок.

Вера Владимировна подошла ко второй парте, где сидел Волик, и велела ему читать. Волик потянулся было за книжкой Кати.

— Читай по своей, — сказала учительница.

Уставился Волик на парту, будто это не парта, а книжка.

— Ну, читай, мы ждем! Где твоя книга? Где твои тетрадки?

— Да он без книжек пришел! — сказала вострoглазая Катя.

— Молчи! — зашипел Воля и толкнул ее ногой под партой.

— Отчего же ты не скажешь, где твои книги? — допытывалась учительница.

— Да я... я... Отобрали у меня книжки!

— Отобрали? Да кто ж их забрал?

— Я шел по улице... а навстречу дяденька... здоровенный-здоровенный, больше всех. Выхватил у меня книжки — и бежать. Я уж за ним гнался, гнался — все равно не догнал.

— Значит, дяденька выхватил у тебя книжки и убежал? — улыбнулась Вера Владимировна.

— И убежал! — повторил Воля.

Вера Владимировна весело прищурила свои добрые большие глаза.

— Ты же никого не боишься, зачем же ты отдал книжки? — не выдержала Поля.

Воля сердито оглянулся. И молчит.

— А потому и отдал, что у него в руке револьвер был, — вдруг сказал он. — И целится прямо в меня: убить хочет. Небось, и ты бы отдала.

Поля испугалась, а другие ребята засмеялись вместе с учительницей.

— Значит, этот дяденька был вооружен? — снова спросила Вера Владимировна.

— Еще как вооружен! — обрадовался Воля. И ему показалось, что Вера Владимировна поверила и сейчас его пожалеет.

Но она сказала:

— А я вот вчера шла домой. Повернула в переулок — вдруг, вижу, и вправду какой-то здоровенный дяденька. В одной руке — граната, в другой — пулемет. И твои книги несет. Это не тот ли дяденька, что тебя ограбил? Я, конечно, эти книжки отняла у него.

Весь класс засмеялся. Воля покраснел, заерзал и смущенно спросил:

— Отняли? Да ну?

После этого Вера Владимировна сказала серьезно:

— Слушай, Воля, ты вчера делал с ребятами снежную бабу в саду. А книжки бросил возле дорожки. Потом стали играть в снежки, ты заигрался и забыл книги. Зачем же ты выдумываешь про какого-то дяденьку и говоришь неправду?

— А откуда вы это знаете? — удивился Воля.

— Я все знаю, — только вот не знаю, почему ты говоришь неправду. Книжки у меня. Вот они. Бери.

Никак не мог понять Воля, откуда это все узнала Вера Владимировна.

А Вера Владимировна просто, возвращаясь из школы, нашла в саду на снегу тетрадки и книги. Посмотрела — Волины. Вот и все.

После уроков Вера Владимировна оставила Яшу, Васю и Полю. Осталась и Нина, как староста. Совещание, конечно,

было секретное. Никто не должен был знать, о чем они советовались впятером.

Нина подумала только:

„Скажу одной Кате, чтобы никто-никто больше не узнал“.

Нина — Кате. А Катя — только Любе. А Люба — только Тоне. Тоня — Фире. Фира — только Дусе. А Поля решила сказать только Гале. Галя, конечно, — только Руфе. Руфа — Кире.

И все только по секрету, чтобы никто больше не знал.

И вот весь класс узнал назавтра по секрету, о чем советовалась Вера Владимировна с четырьмя учениками.

А вам я об этом не скажу, — вы и сами догадаетесь. На другой день Яша, Вася и Поля за час до начала занятий зашли за Волей. Конечно, они зашли случайно, по крайней мере они так сказали Воле.

Вместе пришли они за час до звонка в школу и помогли Воле приготовить уроки по арифметике, чтению и грамматике. Тут уж Воле не удалось убежать. Да, впрочем, он и не собирался. И за один час они не только успели приготовить уроки, но еще поговорили о фотоаппарате — самом настоящем аппарате, который задумали сделать Яша, Вася и Поля.

— Фотоаппарат? И снимать можно будет? — спросил Воля.

— Ну, конечно, можно! По книжке делаем. Там и фотографии напечатаны, которые таким же аппаратом делались. Приходи завтра пораньше к Яше, будем выпиливать, а Поля клеить будет.

Они долго спорили о том, в какой цвет выкрасить аппарат. Решили оклеить черной бумагой, чтобы больше был похож на настоящий. Надо хорошо склеить дощечки, надо сделать два ящичка, чтобы входили один в другой. Работы много, зато интересная.

Но только прежде всего ребята приготовили уроки и Воле помогли.

А теперь Воля уже и снимать сам научился. В школе на фотогазете можно видеть его фотографии. И под ними надпись: „Фотографировал Воля“.

Перевод с украинского
А. Чумаченко

МУРЗИЛКИНА ГАЗЕТА

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АЛЕКСЕЕ МАКСИМОВИЧЕ ГОРЬКОМ

Первый раз я увидела А. М. Горького в 1931 году в городе Сорренто, куда я поехала с папой. Мне было тогда пять лет. Я жила у А. М. Горького месяц.

Алексей Максимович часто со мной беседовал, рассказывал всякие сказки и приключения. Один раз перед сном он мне рассказал сказку про курочку и петушка. Они жили в своей квартире, и у них был цыпленок. Цыпленок резвился в садике, курочка готовила обед, а петушок ходил на охоту.

Рассказывал он мне и про собачку, которая была очень жадная и все хватала, не разбирая, и один раз подавилась косточкой.

Как-то вечером, сидя у него на коленях, я спросила:

— Скажи, дедушка, а твои внучки Марфа и Дарья русские?

Он мне ответил: „да". Я спросила, почему они не говорят на родном языке. Он мне ответил: когда они приедут в Москву, то будут говорить на русском языке.

В Сорренто день у нас начинался так. Мы и Алексей Максимович шли на прогулку в парк. Прежде всего мы шли во фруктовый сад. По дороге он нам рассказывал о фруктовых деревьях: как лечить дерево, как его прививать. Алексей Максимович очень любил растения и цветы. Он не позволял нам рвать цветы, а только срезать их. Я каждый день папе вставляла в петличку цветок, а один раз забыла. Алексей Максимович это заметил и сказал: „Как же это ты забыла?"

Тогда я хотела сорвать цветок, но он не позволил, а подошел сам и осторожно срезал. Перед сном, когда кто-нибудь из нас не хотел мыться, он над нами смеялся: „Ай-ай-ай, воды боишься, а еще в море хочешь купаться!"

Звал он нас „чертенятами", а мы его дедушкой. Меня звал он теткой.

Настал отъезд в Москву. Я, папа, Алексей Максимович и его семья поехали в Москву через Берлин. На больших станциях рабочие устраивали митинги и приветствовали любимого друга и писателя Алексея Максимовича.

Лето 1931 года я провела у Алексея Максимовича в Горках. Мы весело проводили время. Алексей Максимович любил с нами сниматься, собирать грибы, ловить рыбу. Он очень любил ребят и любил с ними возиться. Я перешла в 1933 году во второй класс отличницей учебы, и он меня поздравил и сказал: „Продолжай и дальше так".

И еще много раз я бывала у Алексея Максимовича, и каждый раз он встречал меня ласково и весело. Я была у него в Крыму, и там мы ходили в парк гулять. Последний раз я его видела в Горках, в 1935 году, в день рождения Марфы.

Я много читала Горького, но больше всего мне понравилось „Детство" и „Ленька".

18 июня, в 2 часа дня, папа позвонил из Горок и сказал, что А. М. Горький умер. Мне стало очень жалко Алексея Максимовича, и я горько-горько заплакала.

Но даю честное пионерское слово, что буду учиться и дальше на „отлично", как сказал мне Алексей Максимович.

Светлана Халатова, 10 лет.
Москва

НАШ ГОРЬКИЙ

Плачут горы, плачут реки:
„Умер Горький наш".
Что-то скучно всюду стало.
Во дворах ребята плачут:
„Умер Горький наш".
Умер, жалко мне прощаться.
Умер, дорогой.
Умер, жалко мне прощаться.
Умер Горький мой.

Светлана Кинаст, 8 лет
Совхоз Горняк, Азово-Черном. край

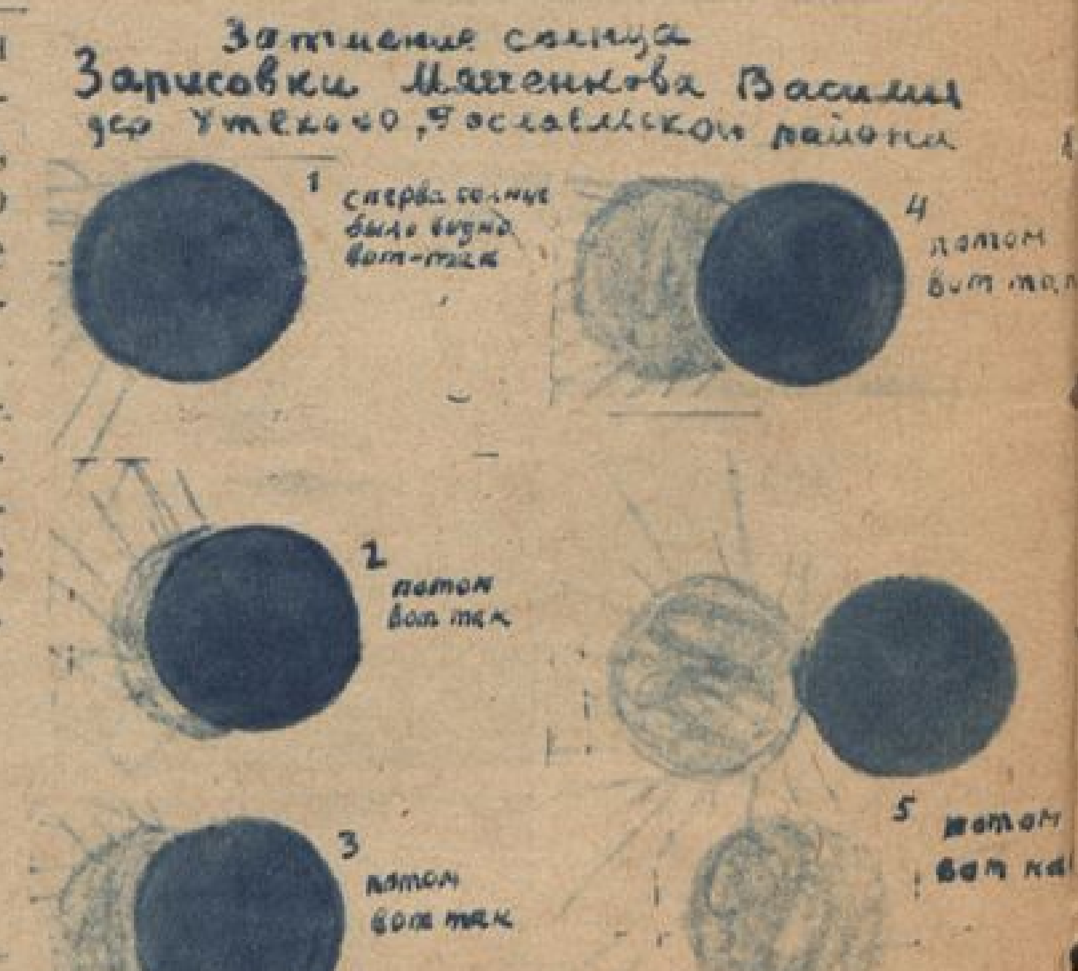
Я НАБЛЮДАЛ СОЛНЕЧНОЕ ЗАТМЕНИЕ

Я наблюдал солнечное затмение, как и все, через стекло. Но стекло было у меня большого размера и хорошо закопчено, а чтобы я мог рисовать, не держа стекла в руках, я установил его на столбе, к столбу подставил столик и стул; все это было мною приготовлено заранее. На руках у меня были обыкновенные ручные часы, а в руках карандаш и лист бумаги.

Во время солнечного затмения странно, совсем по-иному вели себя куры. Они громко кудахтали, когда солнце стало видно только тоненьким серпиком; лошадь же смирно лежала под навесом и дремала.

Постепенно становилось все темней и даже холодней. Но я не сообразил отметить температуру, которая была при затмении солнца; за это я сейчас себя крепко ругаю.

В. Крутов
Город Ижевск

НАШ САД

Шестого июля сад нашего детского дворца был украшен разноцветными шарами, китайскими фонариками. В сад входили ребята в костюмах народов нашего Союза. Сад праздновал День конституции.

У нас в саду работают эстрадный и закрытый театры. В аллее тихих игр вас ждут занимательные игры. На площадке танцев весело кружатся в танце ребята. На площадке перед эстрадой — массовые игры.

Идите к загородке, и вы увидите, как там весело играют медвежата, ставшие любимцами всех посетителей сада.

В читальне у нас много книг. К нам приезжал писатель Золотовский. Часто проводятся беседы, литературные игры. Если вы увлекаетесь шахматами, идите в шахматную аллею: там почти каждый день проводятся сеансы, лекции, беседы; работают кружки.

Наигравшись, выходим на небольшую площадку, на которой красуется огромная ваза из яшмы — подарок Дворцу пионеров и октябрят от Эрмитажа. По всему саду — красивые вазы, скульптуры, всюду цветы. Подошли к красивому павильону: здесь столовая. Звенит звонок, и, не посмотрев тир, аллею биллиардов, физкультурную площадку, мы подходим к театру. Гаснет свет, поднимается занавес... Чего мы только ни видим в театре! Ведь у нас играют замечательные артисты.

Вот какой у нас парк, ребята. Но никогда еще нам не было так весело, как шестого июля, в День конституции. В три часа начались костры, в пять часов вечера игра „Знай свою родину", а в девять часов мы все пошли на спектакль Московского ТЮЗа „Сам у себя под стражей".

Миша Бордах, Ленинград

В ЛАГЕРЬ

Несется поезд к Луге.
В вагоне говорят
О лесе и о луге,
И галстуки горят,
Горят красней, чем солнце...
И песенка звенит,
И солнышко в оконцах,
А поезд все летит.

Коля Новоселов
Село Рождествено, пионерлагерь Кировского завода

НАДО БЫТЬ ОСТОРОЖНЫМ

Как только окончились занятия, мы сразу же на следующий день пошли ловить рыбу закидушками. Утром накопали червей и после завтрака пошли все трое на Амур.

Пришли, закинули удочки, и ловля началась. Я уже поймал несколько касаток. Боре Сылтану и Боре Косицыну рыба ловилась лучше. Уже пора домой, я и говорю: „Давайте поставим закидушки на ночь!" — „Давай! Может, сома поймаем!"

Солнце уже было на горизонте, когда мы пошли домой. Надо было подниматься в гору, но было трудно, а если по лестнице — то далеко. Мы решили полезть в гору.

На вершине горы стоял маяк, а от маяка был проведен провод в землю. Мы поползли на животе по проводу все трое. Вдруг стоп! Нас затрясло, и мы ни с места. Я кричу: „Борька, чего дергаешь?" Боря Сылтан кричит: „Чего дергаешь, Володька?" Боря Косицын кричит: „Вы что, с ума сошли, так дергаете?" А когда ток выключили, мы упали. Потом как захохочем и начали передразнивать друг друга: „Чего дергаешь?"

Когда пришли домой и рассказали родителям, они только посмеялись и говорят: „Идите еще полазьте".

После этого ребята дразнили нас монтерами. Как кто-нибудь из нас выйдет на улицу, они сразу же начнут дразнить: „Ну, идите, наладьте, у нас свет не горит".

Володя Мальцев, 12 лет
Станция Кругликово, Д.-В. ж. д.

Отгадки на шараду и загадку, помещенные в „Мурзилкиной газете" Мурзилки № 7.

Загадка: „Кого овсом не кормят?" Трактор.

Первым прислала ответ Ира Когель, Ленинград.

Отгадка шарады: Вор.

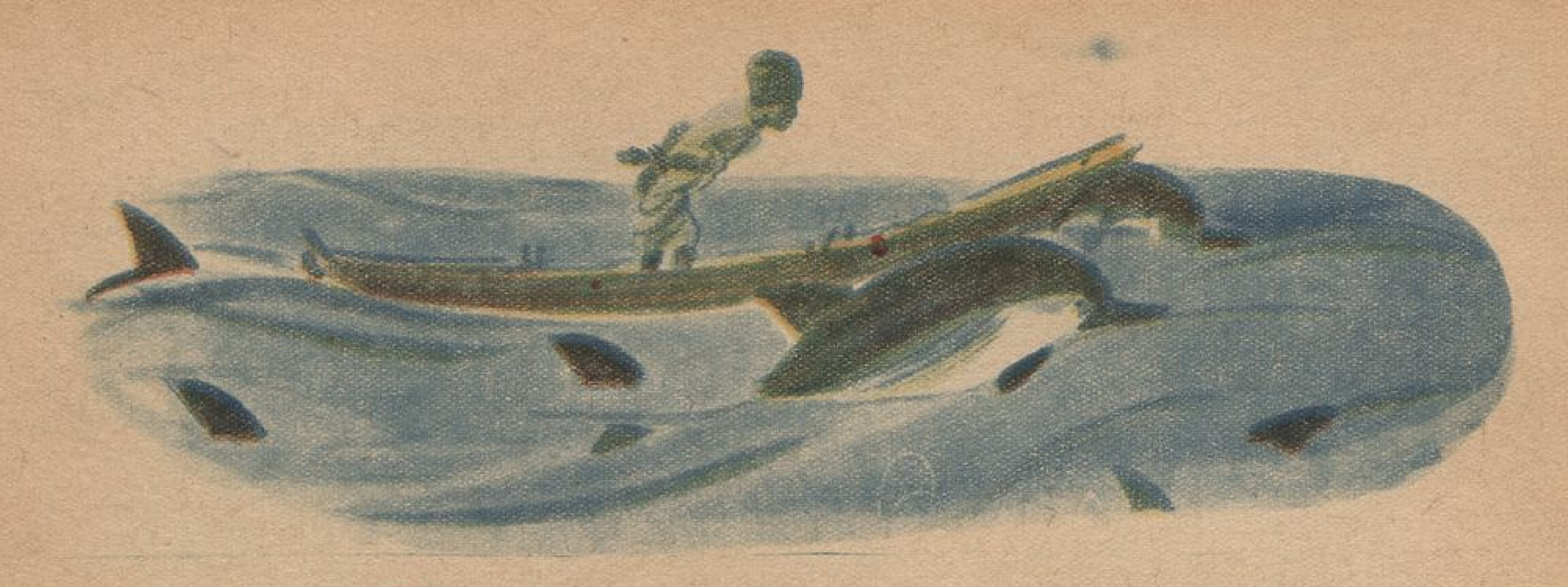
Первыми ответ прислали Б. Морхасевич, г. Волочек, и Тася Куколева, г. Щигры.

ЗАГАДКИ

Воры пришли, людей украли, а дом в окошко ушел.

Красный сахарный, кафтан зеленый бархатный.

Синее одеяло высоко бежало, книзу опустилось — в воду обратилось.

Золотой сазан

Туркменская сказка

Обработала Л. Лесная
Художник К. Кузнецов

В давние времена на берегу моря жил старик со своим единственным сыном. Они жили в крайней бедности, и была у них только старая, дырявая лодка да ветхий невод. Но молодой рыбак не унывал и целыми днями распевал песни.

Однажды закинул старик в море невод и стал тащить его на берег. Вдруг он видит — бьется в неводе золотой сазан.

Удивился старик и говорит сыну:

— Ты покарауль эту диковинную рыбу, а я побегу и расскажу хану. Он, наверное, щедро наградит нас.

Старик ушел, а молодой рыбак задумчиво смотрел, как бьется золотой сазан, запутавшись в неводе.

Ему стало жаль чудесную рыбу, и он выпустил ее в море.

Как только золотой сазан всплеснул хвостом, к берегу подъехал хан, окруженный многочисленной свитой.

— А ну, показывай свою диковинную рыбу! — приказал хан.

Молодой рыбак низко поклонился хану и сказал:

— Мне стало жаль золотого сазана, и я выпустил его в море.

— Ах ты, мерзкий старикашка! — набросился хан на рыбака.— Ты осмелился нарушить мой драгоценный покой ради пустой выдумки! Да разве бывают на свете золотые сазаны? — обратился он к своему первому визирю, борода которого касалась земли.

— Я прожил на свете больше ста лет и не слыхал о таком чуде, — ответил седобородый визирь.

Как ни уверял старик, что он действительно поймал золотого сазана, разгневанный хан ему не поверил. В наказание он приказал своим слугам связать молодого рыбака и, посадив его в дырявую лодку, пустить в море.

Довольный своей жестокой выдумкой, хан уехал к себе во дворец. Старик в отчаянии метался по берегу, не в силах помочь своему единственному сыну.

Через несколько минут лодка скрылась из виду, и старик, проклиная жестокого хана, в слезах бросился на землю.

Молодой рыбак с минуты на минуту ожидал своей гибели. Но лодка, подгоняемая ветром, плыла и плыла.

Наконец, вдали показался пустынный остров. Сильным ударом волны лодку вынесло на берег. Как только нос ее коснулся белоснежного песка, из-за кустов вышел юноша, похожий на молодого рыбака, как похожа капля воды на другую каплю. Он освободил молодого рыбака от веревок и поделился с ним своим единственным куском черствого хлеба.

Молодой рыбак с благодарностью обнял доброго юношу. Так началась их дружба.

Они вместе ловили рыбу, вместе стреляли дичь.

Однажды они встретили старого пастуха, гнавшего бесчисленное стадо баранов.

Друзья удивились, так как были уверены, что, кроме них, на острове нет ни одной души.

— В трех днях пути отсюда находится владение всесильного хана,— сказал старик.— У хана страшное несчастье. Его единственная дочь, которая славится своей красотой на весь мир, со дня своего рождения не сказала ни одного слова. Хан объявил по всей стране: тому, кто вылечит его дочь, он отдаст свое лучшее сокровище. Но если дочь его останется попрежнему немой, то он отрубит дерзкому смельчаку голову. С тех пор не одна голова слетела с молодых плеч.

Подивились друзья и решили пойти попытать счастья.

Дойдя до ханского дворца, юноша сказал молодому рыбаку:

— Позволь сначала мне испытать свое счастье. Если мне удастся вылечить ханскую дочь, мы разделим награду пополам.

Молодой рыбак согласился, и юноша вошел во дворец.

У порога его встретили две служанки. Одна из них сказала:

— Многие храбрецы, вроде тебя, пытались вылечить нашу госпожу, и их головы украшают теперь ограду ханского дворца. Тебя ждет такая же участь!

Но юноша бесстрашно вошел в покои.

Увидя ханскую дочь, он промолвил с поклоном:

— О, прекрасная госпожа! Нас три брата. Однажды мы пошли в лес рубить дрова. Старший из нас вырезал из дерева прекрасную птицу. Она была так искусно выточена, что казалась живой. Средний брат собрал в лесу редкостные перья и украсил ими птицу,—от этого птица стала еще прекраснее. Я же нашел волшебный источник и окунул ее в прозрачную воду. Птица ожила и запела. С тех пор между нами возникла вражда. Каждый из нас считает птицу своей. Нашему спору не видно конца. Рассуди нас, прекрасная госпожа!

Девушка подняла глаза с длинными прямыми ресницами, и улыбка появилась на ее устах. Она молча указала на свой рот и покачала красивой головой.

Тогда юноша в гневе закричал:

— Если мне суждено из-за тебя погибнуть, то вместе со мной погибнешь и ты!

С этими словами он взмахнул над ее головой мечом. Девушка в страхе присела на корточки. Из ее рта вырвался дикий крик, и она выплюнула на землю белую змейку. Змея, извиваясь, злобно зашипела на пораженного юношу и пыталась прокусить его толстый кожаный сапог. Но он прижал извивающуюся гадину каблуком и раздавил ее.

Тогда девушка подняла свои заплаканные глаза на юношу и, сняв со своей руки кольцо, сказала:

— Возьми это кольцо и ступай во дворец моего отца. Он достойно наградит тебя.

Юноша взял кольцо и пошел разыскивать своего друга.

Молодой рыбак, увидев его издали, с радостью бросился к нему навстречу.

Юноша подробно рассказал ему о происшедшем и, сняв с руки кольцо, сказал молодому рыбаку:

— Настало время открыть тебе тайну. Я тот самый золотой сазан, которого ты пожалел и выпустил в море. Ты пел на берегу, и слава о твоем пении достигла подводного царства. Я стал просить отца отпустить меня послушать твое пение. Очарованный твоим пением, я не заметил невода и попал в ловушку, из которой выбрался только благодаря твоему доброму сердцу. С трепетом я смотрел, как ханские слуги втолкнули тебя в дырявую лодку. Предвидя твою гибель, я позвал на помощь своих верных друзей — дельфинов — и попросил их своими плавниками поддержать лодку, чтобы она не пошла ко дну. Верные друзья в точности исполнили мою просьбу и доставили тебя на этот остров. Здесь я принял человеческий облик, похожий на тебя. За это короткое время я еще больше убедился в твоей доброте и полюбил тебя, как родного брата. Теперь настал срок моего возвращения в подводное царство. Возьми это кольцо и иди к хану за наградой. Если я тебе понадоблюсь, подойди к синему

морю, кликни три раза, и я явлюсь к тебе на помощь.

С этими словами юноша бросился в воду и скрылся в глубине моря.

Долго смотрел ему вслед молодой рыбак и грустно направился к хану. Хан поклонился ему до земли и сказал:

— В награду я отдаю тебе лучшее мое сокровище. Вот единственная дочь моя. Возьми ее в жены.

Слуги принесли молодому рыбаку шитые золотом свадебные одежды, богато украшенные драгоценными камнями.

На следующий день сыграли свадьбу, и молодой рыбак поселился в ханском дворце.

Однажды ханша заметила, что ее муж с тоской смотрит в беспредельное море. Она начала ласково расспрашивать его, о чем он тоскует.

— Мне душно в раззолоченном ханском дворце, — сказал рыбак. — Мои руки привыкли к работе. Я разучился петь свои песни, и ничто меня больше не радует. Далеко за морем, на берегу, покрытом золотистым песком, я провел свое детство. Там остался мой любимый отец, который теперь уже близок к смерти. Я тоскую о том, что чужие люди закроют ему глаза. О, если бы ты захотела поехать вместе со мною, я был бы счастливейшим из людей! Но на моей родине ты будешь женой бедного рыбака, а не ханской дочерью, окруженной толпой слуг. Тебе придется делить со мной нужду, горе и заботы.

— Я готова на все, лишь бы ты не тосковал. Но как мы переплывем море? В нашей стране не умеют строить кораблей.

— Об этом ты не беспокойся! Ступай и готовься к отъезду.

Когда она скрылась из виду, молодой рыбак подошел к морю, крикнул три раза, и к берегу подплыл золотой сазан.

— Чем могу служить тебе, мой добрый друг? — спросил сазан.

— Я скучаю по своей родине и мечтаю вернуться туда. Но у меня нет корабля, чтобы переплыть море, а лодка, в которой

я приплыл, развалилась на мелкие щепки.

— Твоему горю легко помочь. Когда стемнеет, я пришлю тебе самую большую рыбу в мире. Прикажи ей открыть пасть и смело входи. Наутро ты будешь дома.

— А что, если это страшное чудовище проглотит нас?

— Не бойся, в ее горло не пройдет даже детский кулак. Она наводит страх только своим видом. Желаю тебе счастливого путешествия, а мне пора на дно.

Молодой рыбак не успел даже поблагодарить своего друга, как тот исчез в морской глубине.

Лишь только стемнело, море с шумом расплеснулось, и к берегу подплыла огромная рыба. Из ноздрей у нее струился фонтан, и она нетерпеливо била хвостом.

Жена рыбака, увидев такое чудовище, задрожала от страха. Молодой рыбак успокоил ее и, взяв на руки, внес в огромную рыбью пасть.

Лишь только они вошли, рыба, быстро перебирая плавниками, помчалась по морю.

Вскоре молодой рыбак и его жена уснули, убаюканные монотонным плеском волн. Наутро чудесная рыба приплыла в тихую бухту и раскрыла свою огромную пасть. Молодой рыбак проснулся, ослепленный солнечными лучами. Каково же было его удивление, когда он увидел родной берег и полуразрушенную хижину, на пороге которой сидел его старый отец!

С криком он бросился отцу на шею и прижал к своей груди его старую, поседевшую от горя голову.

Молодой рыбак вынес на берег свою прекрасную жену, которая очень понравилась старому рыбаку.

Так и стали они втроем жить в старой рыбацкой хижине.

Молодой рыбак сложил о своих необычайных приключениях песню, которую и сейчас поют в Туркмении.

Однажды в далеком кишлаке я услышала эту песню и переложила ее в сказку, которую ты только что прочел.

17

Горный обвал загораживает путь. Попавший сюда вынужден вернуться в клетку № 15.

18

Прямые билеты отсюда продаются не дальше, чем до Варшавы. Действительны только кости 1, 2 и 3.

19

Вена (столица Австрии). Попавший сюда передвигается на одну клетку вперед.

Прага (столица Чехо-Словакии). Попавший сюда передвигается на одну клетку вперед.

21

Варшава (столица Польши). Попавший сюда теряет два хода, пока его выпустят в СССР. Пропустив два хода, прежде чем бросить косточку, он переставляет фишку в клетку № 32, откуда продолжает игру.

26

Буря на море. Пароход вынужден вернуться в тихую бухту (клетка № 22).

27

Генуя (порт Италии). Вследствие забастовки моряков пароходное движение прекращено на два хода. Потом идут только медленные товаро-пассажирские пароходы. Действительны кости 1, 2 и 3. Если выпадет больше очков, теряется ход.

28

Пароход садится на мель около острова. Попавший в эту клетку сидит в ней, пока его не выручит другая фишка, причем обе фишки возвращаются для ремонта в тихую бухту (клетка № 22).

29

Стамбул (порт Турции). Попавший сюда садится на пароход Совторгфлота и переезжает сразу в Севастополь (клетка № 39).

30

Черное море. Пароход терпит аварию и причаливает к берегам Румынии. Его задерживают румынские власти, и пассажиры, потеряв два хода, сухопутным путем возвращаются в Швейцарию (клетка № 15).

31

Одесса. Отсюда пассажир едет пароходом в Севастополь (клетка № 39).

32

Негорелое
(станция на границе СССР).

33

Посадка в скорый поезд, останавливающийся только на нечетных остановках (1,3 и 5). Поэтому, если выбрасываются кости 2, 4, 6, они считаются недействительными, и ход теряется.

34

Осмотр совхоза. Из совхоза делается маленькая прогулка пешком. Отсюда действительны только кости 1, 2, 3. Если выбрасываются 4, 5 и 6, игрок пропускает ход.

35

Отдых в колхозе. Пропускают один ход, а потом действительны только кости 1, 2, 3.

36

Попавший в эту клетку возвращается в Негорелое, чтобы оттуда продолжать путешествие.

37

Попавший сюда узнает, что в Минске устраивается авиопраздник, и едет туда.

38

Авиопраздник в Минске. Попавший сюда улетает на аэроплане в Москву (клетка № 45).

40

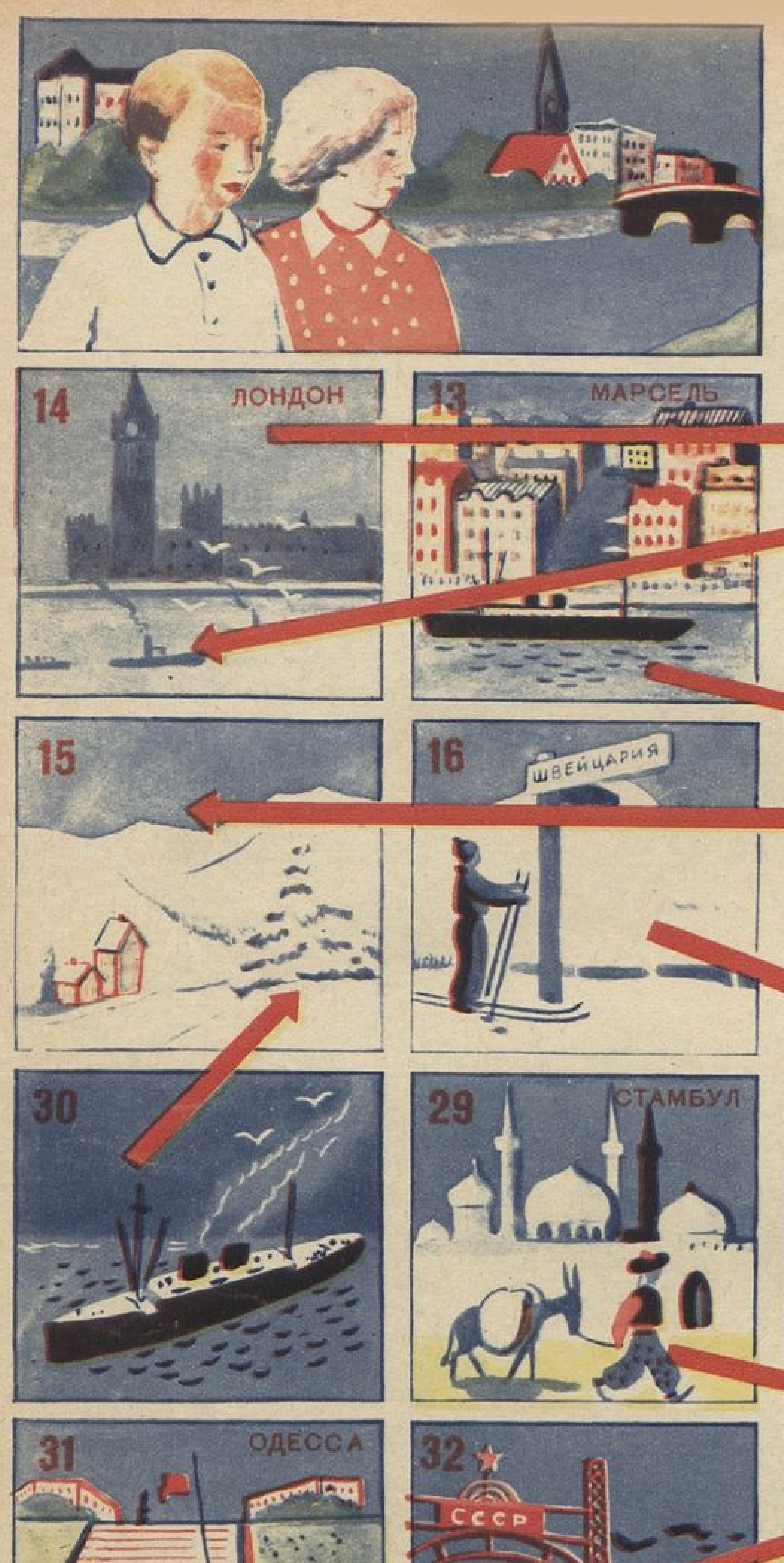
Ялта. Поездка на катере в Севастополь (№ 39).

41

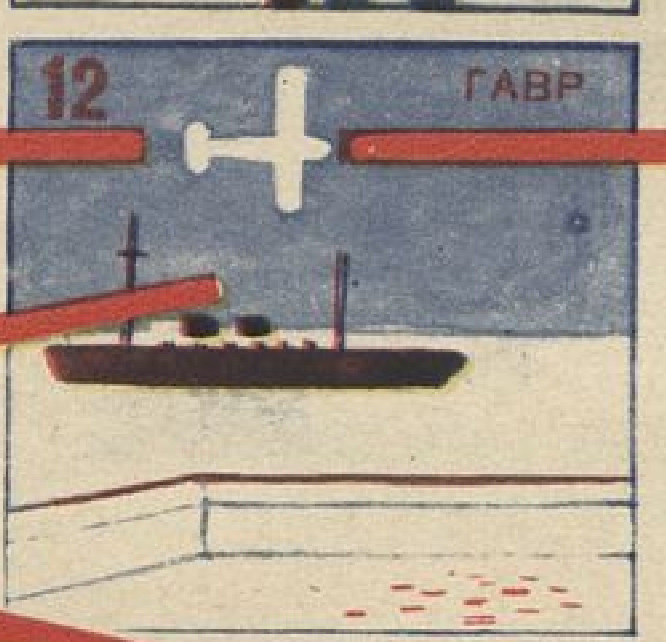
Артек. Здесь игрок попадает в детский пионерлагерь и пропускает три хода.

44

Днепрогэс. Осмотр Днепрогэса (пропускается один ход). Отсюда по Днепру возвращение в Киев (№ 43).

14
ЛОНДОН
13
МАРСЕЛЬ
15
16
ШВЕЙЦАРИЯ
30
29
СТАМБУЛ

31
ОДЕССА
32
СССР
45

1
ГЕРМАНИЯ

12
ГАВР

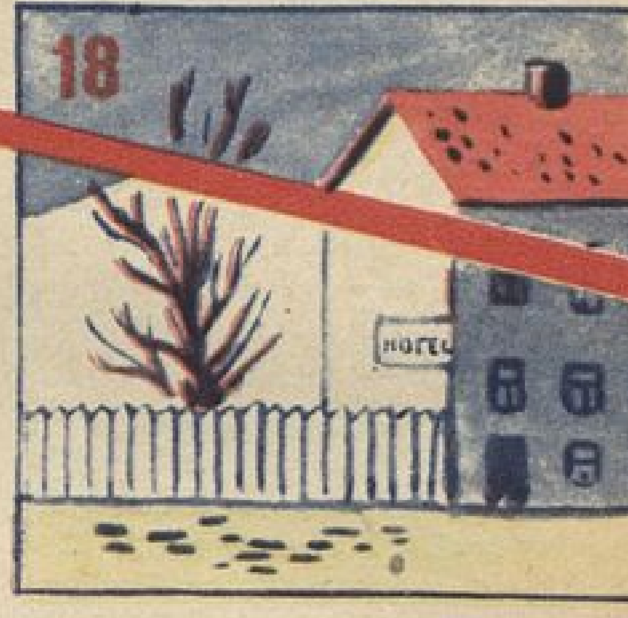
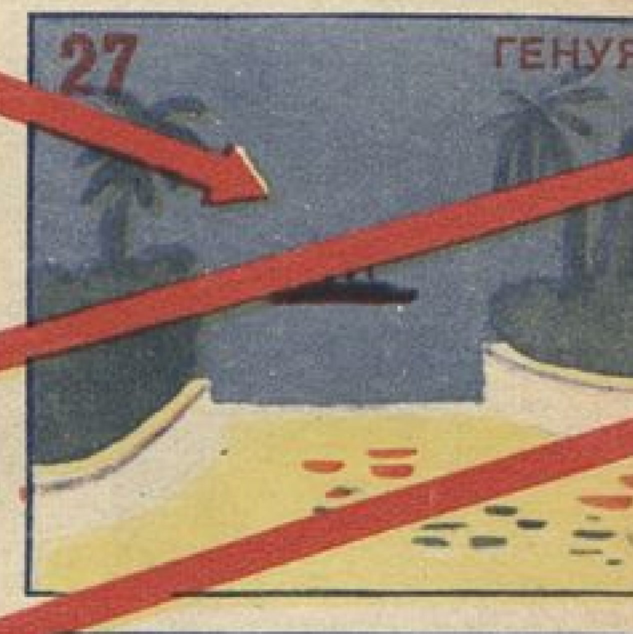
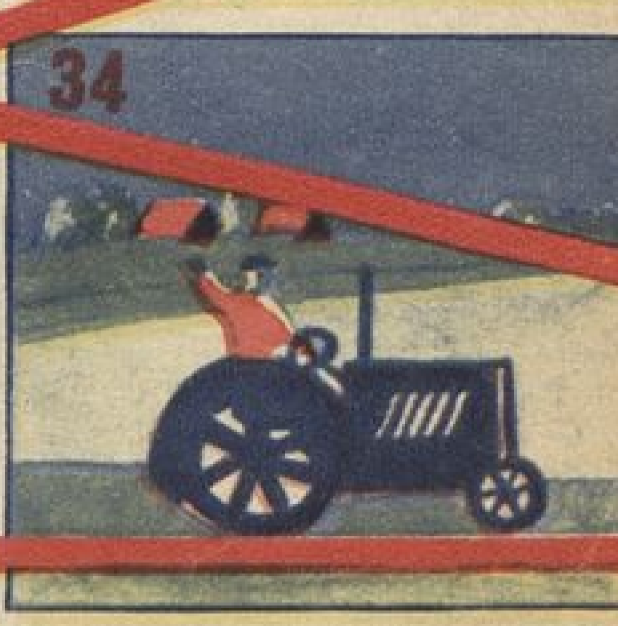
17

28

33

44

2

11

18

27
ГЕНУЯ

34

43
КИЕВ

3

4

5

6
ФРАНЦИЯ

10
ПАРИЖ

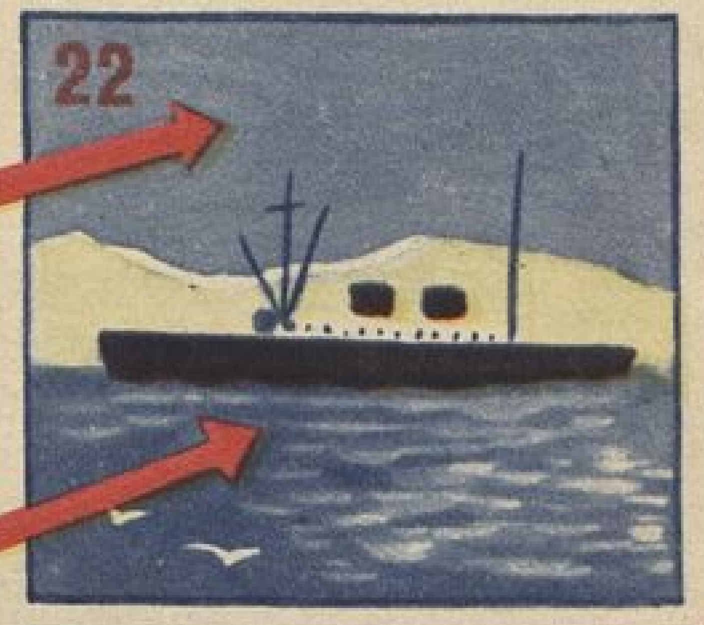
9

8

7

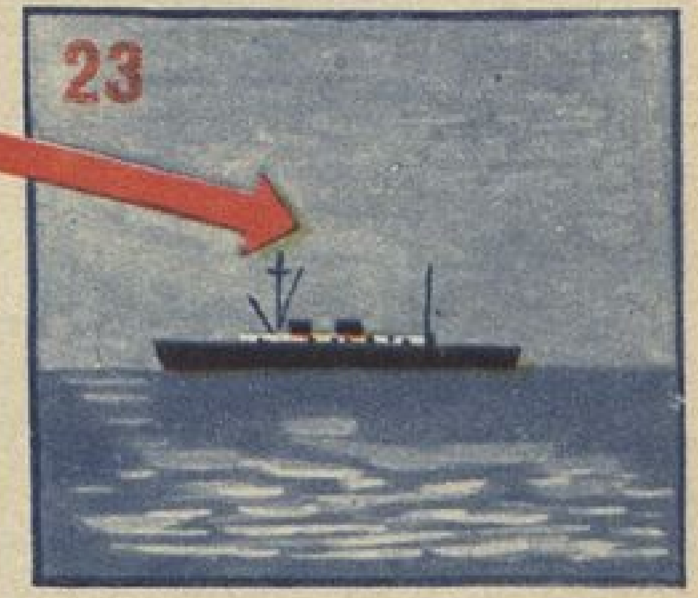
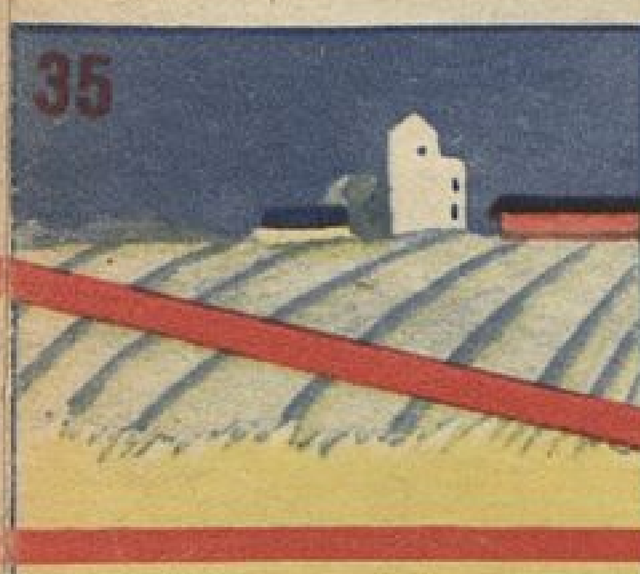
19
ВЕНА

20
ПРАГА

21
ВАРШАВА

22

26

25

24

23

35

36

37

38

42
ХАРЬКОВ

41

40
ЯЛТА

39
СЕВАСТОПОЛЬ

ИЗ СААРА В МОСКВУ

(Настольная игра)

Эта игра взята из книги Марии Остен „Губерт в стране чудес“. Ее придумали два немецких пионера—Губерт и Роланд. Как пробраться из фашистского Саара к нам, в Москву? По дороге много препятствий и опасностей. Губерт и Роланд продумали все. Они не забыли ни одной дороги, ни одного средства сообщения: пароходом, самолетом, поездом, и на лыжах, и даже пешком...

Попробуйте, ребята, и вы пробраться по этой карте из Саара в Москву.

В эту игру могут играть двое, трое, шестеро и больше ребят.

Каждый играющий берет по две фишки; если нет фишек, можно взять пуговицы, винтики, палочки.

Из глины, хлебного мякиша, куска дерева сделайте кубик-косточку для бросания. На шести сторонах кубика напишите или выдавите точки от одной до шести.

Потом бросайте эту косточку и по числу выпавших очков передвигайте вперед фишки. Передвигать можно любую фишку — ту, которую выгоднее.

Выигрывает тот, кто раньше приедет в Москву.

Правила игры

1

Граница с Германией. Попавшего в эту клетку хватают штурмовики и отправляют на допрос в клетку № 4.

4

Штаб штурмовиков. Попавший в эту клетку теряет три хода.

5

Фашистская тюрьма. Попавшая в эту клетку фишка выбывает из игры.

6

Французская граница. Отсюда идут поезда на Париж. Из этой клетки фишка передвигается в клетку № 10.

9

Завод Ситроена. Безработные у ворот; они только что уволены. Узнав, что попавший сюда путешественник едет в СССР, они усаживают его на скорый поезд. Таким образом, попавший в эту клетку к числу выброшенных очков следующего хода прибавляет 2.

10

Париж (столица Франции). Попа вший в эту клетку осматривает го род и пропускает два хода.

12

Гавр (порт Франции). Отсюда иду пароходы через Лондон в СССР Попавший в эту клетку переносит ся сразу в клетку № 14.

13

Марсель (порт Франции). Пор из которого идут пароходы в СССІ через Средиземное море. Отсюд фишка переносится в клетку № 2

14

Лондон (столица Англии). Попав ший сюда теряет два хода на осмот города и вследствие того, что в мо ре качает, решает самолетом вер нуться в Париж (клетка № 10) чтобы оттуда ехать другим путем

16

Швейцария. Попавший сюда сра зу отправляется поездом в Италию в Геную (клетка № 27).

ЗАДАЧИ, ГОЛОВОЛОМКИ

БУКВЫ ПОСПОРИЛИ

Однажды три буквы в азбуке загордились перед соседками, что они стоят вместе и составляют слово. Тогда другие три буквы, стоящие рядом, заявили, что и они составляют слово, если читать алфавит с конца.

В спор вмешалась еще одна буква и сказала:

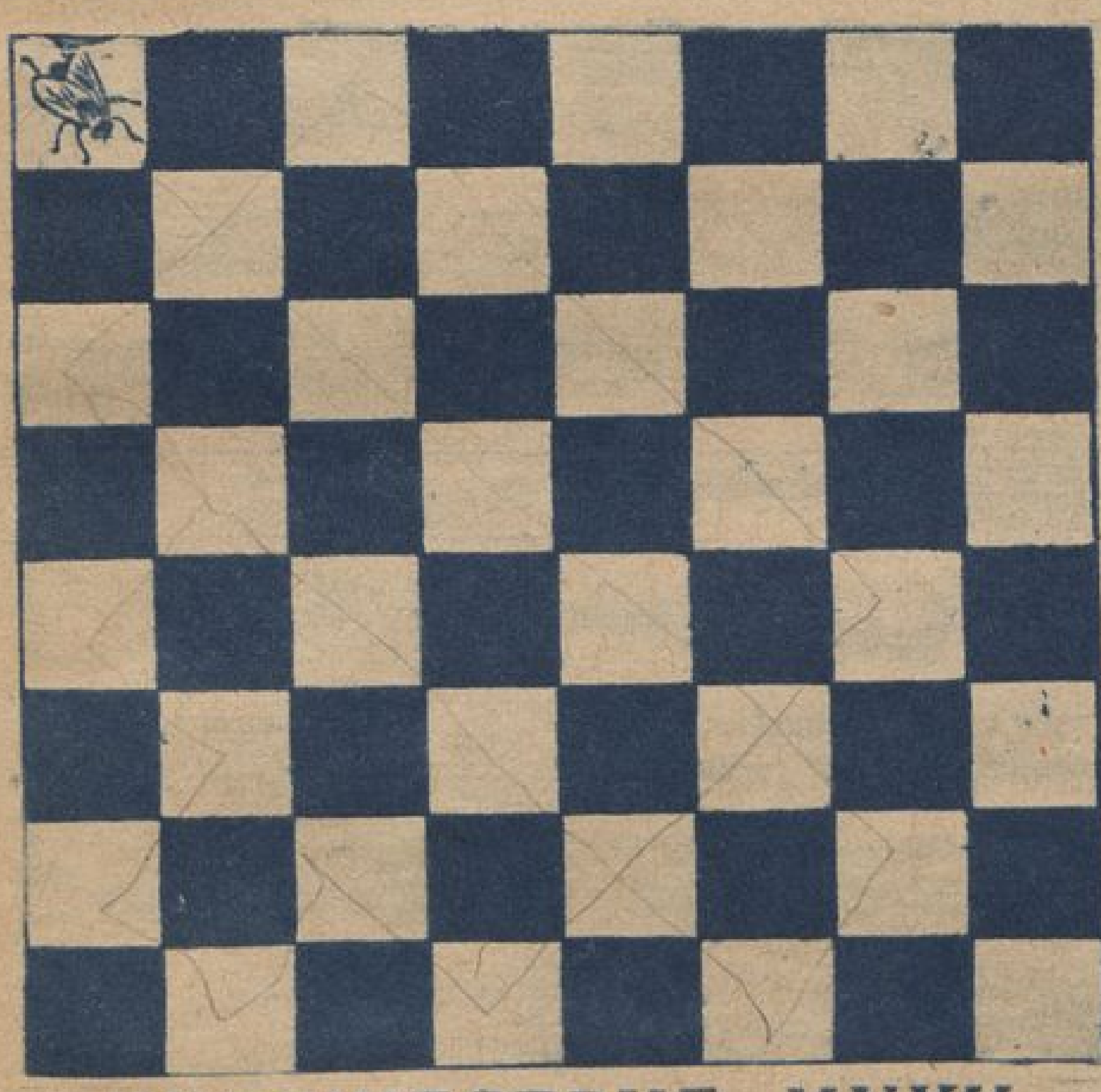
— Если бы не моя соседка справа, то я и следующие три буквы составили бы название международного добровольного общества.

Обиженная соседка справа ответила:

— Я и рядом стоящая буква составляем сами два слова, если нас читать справа налево и слева направо.

— И мы составляем слово, — тихо прошептали еще две буквы.

Какие буквы спорили между собой и какие слова они составляют?

ПУТЕШЕСТВИЕ МУХИ

Муха села в верхнем левом квадрате шахматной доски. Затем она посетила все белые квадраты, не входя в черные, и прошла только один раз через каждый угол. При этом она сделала семнадцать прямых ходов. Укажи ее дорогу.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОВОЛОЧНОЕ ЗАГРАЖДЕНИЕ

Здесь нарисована часть подводного проволочного заграждения. Его надо разрезать так, чтобы открыть проход для подводной лодки. Где бы ты разрезал проволоку? Узлы разрезать нельзя, — резать нужно по направлению сверху вниз, и проволока должна быть разрезана только в восьми местах.

ПОПРАВКА

По недосмотру редакции в № 7 нашего журнала в статье об Узбекистане перед „Сказкой о мудром попугае" напечатаны неточные и неполные сведения.

Узбекский народ находился сотни лет под гнетом богачей и ханских чиновников, а не русских царских чиновников. Русские царские чиновники появились в Узбекистане около семидесяти лет назад.

За время советской власти в Узбекистане открыты не сотни школ для ребят, а тысячи.

Редколлегия: Барто А., Маршак С., Кассиль Л., Смирнова В., Степанова А., Шифрин Н.

Ответственный редактор Н. Венгров. Оформление Веретенникова В.

Сдано в набор 27/VII 1936 г. Подписано к печати 8/IX 1936 г. Объем 3 печ. л. Ст.-форм. 62 × 94¹/₈ листа.

Уполном. Главлита Б-28023 Заказ № 1900. Детиздат № 861. Тираж 225 000.

Типография «Гудок», Москва, ул. Станкевича, 7.

1+1= два Якова

Ив. Приблудный
Рис. Ф. Кондратова

Жили-были два Якова
На улице Аксакова,
В доме номер семь.

Почти во всем те Яковы
Казались одинаковы,
Но только не совсем:
И одинаково росли,
И на прогулку вместе шли,
И был у них один обед,
И было им по восемь лет,
И у обоих по отцу,
По маме и по бабушке,
И у обоих по лицу
Коричневые пятнышки.

И все же были Яковы
Не очень одинаковы.

Óдин не злился, не кричал,
На всех с улыбкой взглядывал,
И редко папу огорчал,
И часто маму радовал.
Он ел и кашу с молоком,
И суп, и хлеб, и мясо,
И чистил зубы порошком,
И мылся в день три раза.
И оттого всегда был он
Здоров, и ловок, и силен...

Другой капризничал, ворчал,
На всех, как волк, поглядывал,
И часто папу огорчал,
И редко маму радовал.
Ни черной каши, ни супов
Без принуждения не ел,
Не чистил вечером зубов
И умываться не хотел.
И оттого был этот плут
Неповоротлив, слаб и худ...

